

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ О. АРХИМАНДРИТЪ ПАВЛЪ (ПРУССКОМЪ).

Восемь лѣтъ прошло со дня смерти приснопамятнаго о. Павла, такъ что мои воспоминанія о немъ могутъ казаться запоздалыми. Но я все-таки рѣшаюсь изложить ихъ и увѣренъ, что они, не отличаясь литературными достоинствами, будутъ все же съ благодарностію приняты его искренними и многочисленными почитателями. Притомъ, изъ моихъ воспоминаній объ о. Павлѣ многіе, особенно только начинающіе служебную дѣятельность въ раскольническихъ мѣстностяхъ, могутъ познакомиться съ мудрыми наставленіями о. Павла, которыми Богъ привелъ мнѣ пользоваться съ первыхъ же дней службы въ знаменитомъ раскольническомъ гнѣздѣ (Гуслицахъ). Наконецъ, насколько извѣстно, всѣ воспоминанія объ о. Павлѣ, притомъ нельзя сказать, чтобы очень многочисленныя, идутъ со стороны лицъ, обратившихся изъ раскола или непосредственно при его помощи, или же посредствомъ его противораскольническихъ сочиненій, исключая конечно приснаго друга и соратника о. Павла на нивѣ Христовой, многоуважаемаго Н. И. Субботина. Такъ что можетъ казаться, что о. Павелъ не имѣлъ никакого личнаго отношенія къ миссіонерамъ — не старообрядцамъ по происхожденію. Но изъ моихъ воспоминаній читатели увидятъ, съ какой горячей, искренней любовью о. Павелъ относился не только къ православнымъ пастырямъ, но и къ юношамъ, семинарскимъ образованіемъ приготовляющимъ себя къ пастырскому служенію.

Мое знакомство съ о. Павломъ началось съ 1890 г.,

когда я учился въ Московской духовной семинаріи въ 6-мъ классѣ. Заочно я зналъ его еще съ 5-го класса, когда познакомился съ покойнымъ Е. А. Антоновымъ, авторомъ многихъ прекрасныхъ полемическихъ сочиненій. Къ Е. Антонову меня заставила обратиться нужда. Намъ было назначено написать сочиненіе по расколу, и въ руководство при этомъ преподаватель семинаріи рекомендовалъ намъ сочиненіе о. Павла: «Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ», которое можно было пріобрѣсти въ Братской лавкѣ, подъ Ивановской колокольней. Я пошелъ туда и здѣсь-то встрѣтилъ торговавшего въ лавкѣ Егора Антоновича. Мнѣ онъ очень понравился,—разговорился со мной, распросилъ, зачѣмъ книжка о. Павла мнѣ потребовалась; я объяснилъ, для чего она нужна мнѣ, и доселѣ помню, какъ оживился онъ, когда сталъ по сему случаю говорить о пользѣ изученія раскола будущими пастырями Церкви; при этомъ онъ сказалъ мнѣ, что именно по причинѣ неподготовленности своего приходскаго священника (въ Тверской губерніи) къ борьбѣ съ расколомъ, и самъ уклонился отъ Церкви въ расколъ, и что только благодаря о. Павлу возвратился въ Церковь. Съ глубокой благодарностію доселѣ воспоминаю я Егора Антоновича. Вѣчная ему память! Онъ первый заинтересовалъ меня расколомъ; своими бесѣдами онъ заставилъ меня взглянуть на изученіе раскола въ семинаріи, какъ на дѣло живое, необходимое мнѣ, будущему пастырю Церкви. Благодаря ему, я, будучи еще въ 5-мъ классѣ семинаріи, хорошо познакомился съ первыми двумя томами сочиненій о. Павла и другими его полемическими сочиненіями. Отъ него же получалъ для прочтенія подпольныя сочиненія Швецова—Истинность, Оправданіе, Показанія погрѣшностей Церкви противъ Евангелія, Ученіе о Символьной церкви. Братская лавка была для меня первой живой школой, гдѣ получилъ я уроки, какъ должно бесѣдовать со старообрядцами и ихъ начетчиками, которые посѣщали Е. А. и вели съ нимъ горячія бесѣды, не стѣсняясь никакими опасеніями, откровенно, по

душѣ. Особенно запомнился мнѣ раскольнической миссіонеръ Антонъ Егоровъ, котораго Егоръ Антоновичъ называлъ «поныряющимъ въ дома». Эти домашнія бесѣды, въ которыхъ потомъ сталъ принимать участіе и я, имѣли для меня большое значеніе. Но особенно благодаренъ я Егору Антонычу за то, что познакомилъ меня съ сочиненіями о. Павла и расположилъ лично съ нимъ познакомиться.

Долго я колебался, разсуждая, идти къ о. Павлу или нѣтъ? Изъ разговоровъ съ Егоромъ Антоновичемъ я зналъ, что о. Павелъ человѣкъ знаменитый, что его посѣщаютъ архипастыри, такъ что идти къ нему мнѣ, семинаристу, да еще идти не за дѣломъ, а такъ себѣ, поговорить, казалось просто дерзостью. Съ другой стороны, сочиненія о. Павла рисовали его мнѣ старцемъ любвеобильнымъ, простымъ; въ этомъ увѣрялъ меня и Егоръ Антоновичъ. Послѣ долгихъ колебаній я рѣшился, наконецъ, идти; нашлась и причина: мнѣ хотѣлось лично посмотрѣть древности, о которыхъ я зналъ по учебнику и по полемическимъ книгамъ и которыхъ въ Хлудовской библіотекѣ, какъ говорилъ Егоръ Антонычъ, много и смотрѣть ихъ доступно. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я отправился въ обитель о. Павла, Никольскій Единовѣрческій монастырь. Пришелъ я еще до обѣдни, храмъ (зимній) только что отперли. Я всталъ около двери и съ любопытствомъ оглядывалъ входящихъ въ храмъ иноковъ, въ невиданныхъ мною доселѣ одѣяніяхъ, и истово полагавшихъ семипоклонный началъ, о которомъ я читалъ, но никогда не видалъ, какъ онъ полагается. Во время чтенія часовъ вошелъ старецъ въ теплой ряскѣ, похожей на овчинный тулупъ, въ шапочкѣ и съ деревяннымъ посохомъ въ рукахъ. Одѣяніе старца не позволило предположить, что это знаменитый Павелъ Пруссій; но пристально обращенный на меня взглядъ, въ которомъ свѣтился необыкновенный умъ и чарующая ласка, увѣрили меня, что этотъ старецъ нечуждою самою о. Павелъ. И я не ошибся. По окончаніи обѣдни, всѣ молящіеся стали подходить подъ благословеніе

къ старцу. Подошелъ и я. Зачѣмъ пришелъ? спросилъ онъ меня. Я объяснилъ, кто я и сказалъ, что пришелъ посмотреть Хлудовскую бібліотеку. О. Павелъ велѣлъ идти за нимъ. Съ трепетомъ я переступилъ порогъ кельи, въ которой жилъ приснопамятный старецъ.

Кто не имѣлъ счастья быть у него, тому трудно представить патріархальную простоту его кельи. Всѣ покои о. Павла состояли изъ 4-хъ комнатъ, которыя были расположены по двѣ въ рядъ и раздѣлялись узкой, длинной передней, или корридоромъ. Первая комната направо, при входѣ, была столовая, въ которой стоялъ простой большой столъ, покрытый старой клеенкой, для трапезы о. Павла, его учениковъ и посѣтителей; въ переднемъ углу, у правой стѣны, стоялъ шкафъ съ посудой; у той же стѣны стояла кровать келейника и домоправителя о. Павла, старца о. Александра,—добрый, хотя и ворчливый, былъ старецъ. Вѣчная ему память! Налѣво отъ входа была комната, въ которой жили мальчики-пѣвчіе и взрослые ученики о. Павла; много добрыхъ труженниковъ, пастырей и миссіонеровъ вышло изъ этой комнаты. Рядомъ со столовой была келья о. Павла; въ ней стояла кровать старца съ самыми патріархальными принадлежностями для спанья: здѣсь же помѣщалась его домашняя бібліотека; по стѣнамъ висѣло много старинныхъ образовъ. Противъ кельи была парадная, сравнительно конечно, комната, въ которой о. Павелъ принималъ важныхъ посѣтителей. Нельзя обойти молчаніемъ диванъ, стоявшій въ передней: на этомъ диванѣ, въ своей неизмѣнной теплой шубѣ, по причинѣ слабости, обыкновенно полулежалъ о. Павелъ и съ этого дивана, какъ съ знаменитой кафедры, изрекались, разносимыя учениками и почитателями по всей необъятной Россіи, бессмертныя наставленія старца относительно возвращенія въ лоно св. Церкви заблуждающихся старообрядцевъ. Да простятъ мнѣ читатели, что я увлекся описаніемъ келии о. Павла: нельзя вспомнить о немъ, чтобы не вспомнить и о его кельи.

Когда я вошелъ въ келью, о. Павелъ разспросилъ: откуда я, гдѣ и какъ учусь. Своимъ ласковымъ обращеніемъ такъ очаровалъ меня, что я почувствовалъ себя не пришлымъ, случайнымъ человѣкомъ, а какъ будто въ родной любящей семьѣ. Сталъ онъ угощать меня чаемъ и все подкладывалъ сахару, приговаривая: «пей слаще, въ семинаріи васъ не балуютъ». Тутъ же былъ единовѣрецъ Шишовъ, почти землякъ мнѣ (изъ деревни Бобреновой Коломенскаго уѣзда) и одинъ старообрядецъ, сынъ безпоповскаго наставника Владимірской губерніи, молодой человѣкъ—иконописецъ; пришелъ онъ поговорить съ о. Павломъ, такъ какъ поколебался въ своихъ раскольническихъ убѣжденіяхъ. Все время за чаемъ прошло въ разговорахъ о расколѣ и борьбѣ съ нимъ. Съ жадностію ловилъ я каждое слово о. Павла и поражался простотою, въ которую онъ облакалъ самые, повидимому, затруднительные доводы на раскольническія возраженія. Когда кончили пить чай, о. Павелъ позвалъ бібліотекаря М. Е. Шустова (теперь игумень Мина) и поручилъ ему сводить меня въ Хлудовскую бібліотеку, познакомить съ древностями. Я было сталъ прощаться съ о. Павломъ, но онъ велѣлъ изъ бібліотеки зайти къ нему непременно.

Изъ древностей, мною осмотрѣнныхъ, особенно запечатлѣлось въ памяти Евангеліе 12 или 13-го вѣка, писанное на пергаментѣ... Одинъ инокъ, бывшій съ нами, разсказалъ любопытную исторію пріобрѣтенія этого Евангелія. Онъ (инокъ), бывшій старообрядецъ, по присоединеніи въ святой Церкви посѣтилъ свою родину, глухую деревню, населенную исключительно старообрядцами, и началъ убѣждать своихъ земляковъ оставить расколъ и идти въ Церковь. Старообрядцы, въ оправданіе своего положенія, ссылались на свою темноту и съ похвальбой говорили, что по всей деревнѣ у нихъ ни найдешь никакой книги. И одинъ изъ нихъ при этомъ замѣтилъ, что валяется у него какая-то разрисованная книга, ребяташки вырываютъ изъ нея листы для змѣевъ, да только туго поддаются, какъ

кожаные. Инокъ заинтересовался, просилъ показать эту любопытную книгу. Когда ее принесли, то инокъ увидѣлъ, что это Евангеліе 12—13-го вѣка, писанное на пергаментъ. Разсматривая его, онъ нашелъ имя Спасителя, писанное съ двумя *иже*, на что и указалъ старообрядцамъ. Когда старообрядцы увидѣли имя «*Иисусъ*» въ этомъ Евангеліи, то съ радостію отдали его иноку, который и принесъ эту замѣчательную древность въ даръ Хлудовской библіотекѣ. Слѣды вырванія листовъ очень замѣтны: переплета нѣтъ, листы разбиты.

Послѣ осмотра библіотеки, исполняя приказаніе о. Павла, пришелъ я опять къ нему въ келью. Онъ подробно разспросилъ меня, что я видѣлъ интереснаго; а когда я сталъ прощаться, то пригласилъ меня почаще приходить къ нему и не въ гости, а какъ въ свой домъ. При этомъ подарилъ мнѣ описаніе своего путешествія въ Іерусалимъ, такъ какъ всѣ прочія сочиненія его у меня уже были.

Я съ радостію воспользовался приглашеніемъ о. Павла, каждый праздничный день считалъ своею обязанностію быть у него. И никакіе учебники и руководства не могли дать мнѣ такихъ ясныхъ, убѣдительныхъ разъясненій по недоумѣннымъ вопросамъ, какія Богъ привелъ слышать изъ устъ о. Павла. Онъ не любилъ вести пространныя разсужденія о расколѣ, вродѣ лекцій, облакалъ ихъ въ форму бесѣды православнаго со старообрядцами, и самъ обыкновенно становился на сторону старообрядца, а меня и другихъ учениковъ своихъ заставлялъ возражать ему. И горе было намъ, православнымъ защитникамъ! Помню зашла однажды рѣчь о клятвахъ собора 1656 года. Послѣ многихъ пораженій, которыя мнѣ приходилось терпѣть отъ о. Павла, по другимъ вопросамъ, я съ радостію вступилъ въ пренія о клятвахъ, потому что въ 5 классѣ семинаріи писалъ сочиненіе на эту тему и получилъ отмѣтку 5, почему считалъ себя въ этомъ вопросѣ свѣдущимъ. Но къ великому стыду своему, при первыхъ же возраженіяхъ о. Павла увидѣлъ свою беспомощность. Что ни скажу въ

защиту клятвъ, услышу такое замѣчаніе, что хоть самъ соглашайся со старообрядцемъ. Послѣ многихъ моихъ тщетныхъ попытокъ оправдать клятвы, О. Павелъ, какъ и обычно дѣлалъ, самъ помогъ мнѣ выяснитъ вопросъ.

Соборъ 1656 года предалъ проклятію, говорилъ о. Павелъ, такихъ двуперстниковъ, которые 3-мя перстами, якоже аріане, неравенство Св. Троицы показываютъ и 2-мя, якоже несторіане, два Сына и два лица во Христѣ исповѣдуютъ. Законно ли такихъ двуперстниковъ проклятію предать? спросилъ меня о. Павелъ. Законно, говорю. Это тебѣ и сами старообрядцы скажутъ, добавилъ о. Павелъ. Такъ если найдутся, продолжаетъ онъ, не только среди старообрядцевъ, но и среди православныхъ такіе двуперстники, какихъ разумѣлъ Соборъ 1656 г., то на нихъ и доселѣ лежитъ соборная клятва. А двуперстники, которые своимъ перстосложеніемъ о Троицѣ и воплощеніи Бога-Слова правую вѣру исповѣдуютъ, тѣ и клятвѣ Собора 1656 года не подлежатъ. Послѣ, на бесѣдахъ со старообрядцами, мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, какъ неотразимо это разъясненіе клятвъ, положенныхъ на Соборѣ 1656 г.

На одной изъ бесѣдъ, происходившихъ въ семинаріи, доказывая собесѣднику безпоповцу, что совершеніе таинства св. причащенія продолжится въ Церкви Христовой до второго Христова пришествія, я привелъ во свидѣтельство слова Спасителя: *сіе творити въ Мое воспоминаніе*. Безпоповецъ возразилъ, что Христосъ не сказалъ: сіе творите до Моего второго пришествія, а изрекъ только: творите въ Мое воспоминаніе, а доколѣ творить, этого изъ словъ Христовыхъ не видно, а потому и слова сіи въ доказательство вѣчности совершенія таинства св. Причащенія приведены неправильно, и они, безпоповцы, въ нарушеніи заповѣди Христовой неповинны. Тогда я привелъ слова апостола Павла изъ зач. 149-го и 107 слово Ефрема Сирина. Бывши потомъ у о. Павла, я рассказалъ ему объ этой моей бесѣдѣ. Онъ замѣтилъ, что я хорошо подтвердилъ вѣчность таинства св. причащенія словами апостола

Павла и преп. Ефрема Сирина, но не нужно было, прибавлять онъ, отступать и отъ словесъ Христовыхъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*. Потому что этими словами Христось далъ заповѣдь творить тайну св. причащенія именно до Его второго пришествія. Кого мы, говорилъ о. Павель, воспоминаемъ въ житейскомъ быту? Тѣхъ, кого нѣтъ съ нами. Доколѣ? Пока ихъ нѣтъ, а когда возвращаются и поминанью конецъ, въ немъ нѣтъ нужды, мы видимъ, кого вспоминали, лицомъ къ лицу. Господь повелѣлъ вспоминать Его тайной св. причащенія. Святая Церковь и творить Его волю; воспоминаетъ Его въ тайнѣ св. причащенія и будетъ вспоминать, пока паки Христось не придетъ. Если бы въ Церкви Христовой прекратилось совершеніе тайны св. причащенія, какъ у безпоповцевъ, Церковь показала бы тѣмъ, что она перестала любить Христа, потому Его и не воспоминаетъ; а этого быть не можетъ, чтобы Невѣста Христова, св. Церковь перестала любить своего Жениха-Христа. Потому въ Церкви Христовой, согласно заповѣди Божественной, и будетъ твориться воспоминаніе Христа тайной св. причащенія дотолѣ, пока не придетъ во второе пришествіе Самъ Христось, когда въ воспоминаніи Его и нужды не будетъ. Вотъ ты и долженъ бы показать безпоповцу, что не напрасно привелъ словеса Христовы: въ нихъ Христось далъ повелѣніе совершать тайну св. причащенія въ Его воспоминаніе до второго славнаго пришествія Его. А такъ какъ безпоповцы тайну сію не совершаютъ, то и повинны они въ неисполненіи заповѣди Христовой.

Такъ же мудро о. Павель разъяснилъ мнѣ слѣдующее недоумѣніе, возбужденное одной изъ Московскихъ бесѣдъ. На бесѣдѣ одинъ начетчикъ, выдававшій себя за старообрядца, а въ дѣйствительности сектантъ-раціоналистъ, основываясь на словахъ ев. Луки: *и воставше въ той насъ, возвратистася во Иерусалимъ и обрътоста совокупленныхъ единадесате и иже бяху съ ними* (зач. 113), старался доказать, что слова Христа: *примите Духъ*

Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся (Іоан. зач. 65), сказаны не однимъ апостоламъ, а и всѣмъ вѣрующимъ, которые были съ ними, потому и всѣ вѣрующіе получили отъ Христа власть отпущать грѣхи. Вся бесѣда пропла въ пререканіяхъ: православные собесѣдники доказывали, что у евангелистовъ Луки и Іоанна повѣствуется не объ одномъ и томъ же явленіи Воскресшаго Господа, а начетчикъ доказывалъ, что евангелисты говорятъ объ одномъ явленіи. Ссылаться же на святоотеческія толкованія начетчикъ не позволялъ и это поставилъ условіемъ для бесѣды. Когда я разсказалъ объ этой бесѣдѣ о. Павлу, онъ замѣтилъ, что напрасно собесѣдники послушались старообрядца и не приводили святоотеческихъ толкованій: нужно было даже особенно внимательно остановиться на толкованіяхъ, чтобы показать слушателямъ, что возражатель (человѣкъ извѣстный среди безпоповцевъ) только прикрывается именемъ старообрядца, а вовсе не старообрядецъ. А главное, не нужно было и отрицать, что тогда присутствовали съ апостолами и другіе вѣрующіе. Ев. Іоаннъ прямо говоритъ, что Христосъ изрекъ слова сіи: *примите Духъ Святъ...* ученикамъ Своимъ, потому они одни и получили власть вязать и рѣшить, хотя при этомъ могли присутствовать и другіе, не апостолы. Возьми въ примѣръ: въ Успенскомъ соборѣ совершается архіерейская хиротонія при множествѣ народа: ужели всѣ присутствующіе становятся архіереями? Желалъ бы я передать не имѣвшимъ счастья лично знать приснопамятнаго старца самый, такъ сказать, тонъ его наставленій, но это выше силъ, — для того нужно приобщиться тому огню, который горѣлъ въ его сердцѣ. Какая скорбь всегда звучала въ словахъ о. Павла, когда онъ говорилъ о старообрядцахъ! Какъ желалъ онъ, чтобы всѣ прониклись любовію къ погибающимъ старообрядцамъ и помогли имъ возвратиться во св. Церковь. Кажется, онъ все забывалъ, когда слышалъ, что старообрядцы гдѣ-нибудь соverts православныхъ въ ра-

сколь. Расскажу въ примѣръ хотя одинъ случай. Былъ я у о. Павла великимъ постомъ. Въ это же время былъ у него г. Сенатовъ, тогда студентъ московской духовной академіи. Послѣ обѣдни мы пили чай въ столовой, а о. Павлу подали его великопостную трапезу,—миску горохово-ваго киселя; наливъ въ нее кипятку изъ самовара, онъ поставилъ на самоваръ. Сенатовъ въ это время рассказывалъ, что раскольники хвалятся, будто въ первое великопостное воскресенье присоединили 70 человекъ православныхъ. Сильно оскорблялъ о. Павелъ, когда услышалъ эту печальную вѣсть. Случилось же, что кто-то изъ насъ толкнулъ столъ и миска съ киселемъ упала съ самовара передъ самымъ лицомъ о. Павла и разбилась объ столъ. О. Павелъ какъ говорилъ, такъ и продолжалъ говорить, какъ будто ничего не случилось. С. замѣтилъ ему: «Батюшка! какъ Господь сохранилъ васъ? Вѣдь вамъ лицо разбило бы». О. Павелъ съ горечью отвѣтилъ: «Вотъ чудакъ-то: самъ же говоришь, что 70 душъ погибаетъ, а тутъ о мнѣ, что меня разбило бы; вѣтъ, ты подумай»... и продолжалъ изливать свою скорбь о старообрядцахъ, которые не только сами не вразумляются, но и другихъ губятъ.

Въ тотъ годъ, когда я оканчивалъ курсъ въ семинаріи, назначенъ былъ въ Москвѣ при монастырѣ о. Павла 2-й миссіонерскій съѣздъ. О. Павелъ предложилъ мнѣ присутствовать на съѣздѣ. Я съ великою благодарностію согласился. Кончились экзамены. Первымъ долгомъ поѣхалъ я къ старцу. Не меньше отца родного радовался о. Павелъ успѣшному окончанію моихъ экзаменовъ и тотчасъ же произвелъ свой экзамень. «Вотъ ты теперь богословъ, да еще студентъ; ну скажи чему ты научился въ семинаріи?» съ ласковой улыбкой спросилъ о. Павелъ. Онъ предложилъ вопросъ о состояніи Церкви предъ вторымъ Христовымъ пришествіемъ. Я подъ свѣтскимъ впечатлѣніемъ семинарскихъ учебниковъ утверждалъ, что Церковь Христова будетъ тогда въ упадкѣ. А о. Павелъ словомъ Божіимъ и толкованіемъ св. Златоуста доказывалъ, что

Церковь Христова и въ послѣдніе дни будетъ такъ процвѣтать, что и невѣрныхъ іудеевъ привлечетъ къ вѣрѣ во Христа. Трудно было устоять противъ доводовъ о. Павла. Въ это время въ коридорѣ сидѣлъ, пріѣхавшій на съѣздъ, миссіонеръ, не помню откуда. О. Павелъ велѣлъ мнѣ позвать его. Когда я передалъ миссіонеру приглашеніе о. Павла, онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ: о чемъ о. Павелъ спрашиваетъ васъ? Я ему сказалъ. Дѣйствительно о. Павелъ и ему задалъ тотъ же вопросъ. Миссіонеръ также пытался доказать, что Церковь предъ кончиной міра будетъ въ состояніи упадка. Но и ему пришлось согласиться съ доводами о. Павла, что Церковь Христова будетъ блистать и въ послѣдніе дни. Оказалось, что этотъ экзамень мнѣ и миссіонеру былъ произведенъ о. Павломъ не ради простого словопренія. Въ то время онъ составлялъ свое извѣстное руководство къ познанію правоты Церкви и неправоты раскола. Въ первой же книжкѣ *Братскаго Слова*, гдѣ печаталось это руководство, вышедшей послѣ нашей бесѣды, я къ удивленію своему прочиталъ нѣкоторыя мои и миссіонерскія возраженія о. Павлу въ формѣ возраженій старообрядца, а отвѣтъ православнаго былъ почти дословнымъ повтореніемъ того, что говорилъ намъ о. Павелъ. Я знаю, что на миссіонерскомъ съѣздѣ нѣкоторые миссіонеры, близко не знавшіе о. Павла, высказывали между собою неудовольствіе на него за тѣ испытанія, какимъ онъ подвергалъ въ частной бесѣдѣ многихъ изъ нихъ, не взирая на ихъ положеніе. Но изъ приведеннаго мною разсказа видно, что о. Павелъ производилъ эти испытанія совсѣмъ не съ цѣлію унижить собесѣдника и не ради простого словопренія, а для того, чтобы предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могутъ быть выставлены по вопросамъ, касающимся полемики со старообрядцами.

Побывавши у о. Павла послѣ экзаменовъ, я съѣздили на нѣсколько дней къ своимъ родителямъ и пріѣхалъ опять къ нему, чтобы присутствовать на съѣздѣ. Съ свѣтлыми

мыслями и чувствами вступалъ я въ новую, невѣдомую жизнь; съ нетерпѣніемъ я жаждалъ встрѣтиться со многими миссіонерами, о которыхъ зналъ по *Братскому Слову*. Но мое радушное настроеніе омрачилось при первой же встрѣчѣ съ оо. миссіонерами, которыхъ я представлялъ людьми всецѣло преданными служенію св. Церкви, чуждыми всякихъ самолюбивыхъ и корыстныхъ интересовъ, забывая, что люди въ каждомъ дѣлѣ—люди, съ достоинствами и съ недостатками. Въ продолженіе миссіонерскаго съѣзда не разъ приходилось замѣчать, что нѣкоторые миссіонеры, изъ бывшихъ старообрядцевъ, не совсѣмъ-то долюбивали миссіонеровъ съ образованіемъ. Помню одинъ изъ нихъ пришелъ къ о. Павлу даже съ жалобой на ученыхъ, что они признаютъ благодать въ Римской церкви. О. Павелъ спросилъ его: а что Римская церковь суждена Вселенской Церковію? Тотъ отвѣтилъ, что суждена, и сослался на книгу о вѣрѣ. О. Павелъ объяснилъ ему, что это частныя, помѣстныя сужденія, а Церковь вселенскимъ соборомъ суда надъ Римской не изрекала, потому и благодати обнажать Римскую Церковь мы не дерзаемъ. Удивленный о. миссіонеръ спросилъ: такъ что же она по твоему православная? Ну это дѣло другое, сказалъ о. Павелъ, и я православной Римскую церковь не называлъ. Такъ о. Павелъ, не взирая на лица, заботился объ одной только истинѣ на благо св. Церкви.

На миссіонерскомъ съѣздѣ, по желанію о. Павла, я велъ первую свою публичную бесѣду со старообрядцами. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней всѣ миссіонеры отправились на поклоненіе мощамъ преп. Сергія въ Троицкую Лавру. Хотѣлось и мнѣ не отстать отъ другихъ; но о. Павелъ меня не отпустилъ, а предложилъ мнѣ побесѣдовать съ народомъ, который, какъ справедливо и ожидалъ о. Павелъ, собрался въ монастырѣ, предполагая, что будетъ бесѣда со старообрядцами, и не зная, конечно, объ отъѣздѣ миссіонеровъ. Въ монастырѣ остались только миссіонеры А. Е. Шаминъ и И. П. Ломакинъ. Когда о. Павелъ

предложилъ мнѣ вести бесѣду, я началъ отказываться, опасаясь за свою неопытность; но о. Павелъ говорилъ, что идти на попятную нечего, рано или поздно, нужно дѣло начинать. Со страхомъ смотрѣлъ я изъ кельи о. Павла какъ наполнялся монастырь желающими послушать предполагаемую бесѣду опытныхъ миссіонеровъ. Одинъ изъ послушниковъ сказалъ мнѣ, что Преображенскій говорунъ Ѳедоръ, по прозвищу Косой, неизмѣнный возражатель на московскихъ бесѣдахъ, являвшійся возражателемъ и на миссіонерской бесѣдѣ, бывшей въ предшествующій праздникъ, уже началъ бесѣду съ кѣмъ-то изъ православныхъ. Нужно было выходить. Принявши благословеніе о. Павла, я вышелъ къ народу. Началъ говорить о томъ, что старообрядцы безпоповцы Церкви Христовой не составляютъ. Особенно подробно остановился на словахъ Б. катихизиса, что вѣрующіе, составляющіе Христову Церковь, облобызаютъ ученіе евангельское непоколебимое. Горячо возражалъ Ѳедоръ, но всѣ видѣли, что ему своей безпоповщины не отстоять. Вдругъ слышу: позвольте. Голосъ знакомый. Обладатель его — извѣстный московскій безпоповскій начетчикъ Ѳ. Анисимовъ; съ нимъ я раньше и не бесѣдовалъ, но какъ другіе съ нимъ бесѣдовали, слышалъ и на основаніи слышаннаго хотѣлъ оставить бесѣду и бѣжать къ о. Павлу. Но было уже поздно. Наступила тишина. Анисимовъ началъ обвинять Церковь въ нарушеніи заповѣди Христовой о клятвѣ именемъ Божиимъ. Какъ гора съ плечъ свалилась, когда я услышалъ это возраженіе раскольническаго оратора. По этому вопросу я имѣлъ бесѣду съ вышеупомянутымъ Ѳ. Косымъ. Въ доказательство доводительности клятвы въ нужныхъ случаяхъ я сослался на 16-й ст. 6-й гл. посланія къ Евреямъ, а такъ какъ и возражатель мой оказался не очень сильнымъ, то этимъ доказательствомъ и можно было ограничиться.

Миссіонерскій съѣздъ оканчивался. Было послѣднее засѣданіе. На всю жизнь останется въ памяти прощальная рѣчь о. Павла, обращенная къ миссіонерамъ, въ которой

онъ говорилъ о своемъ душевномъ состояніи въ то время, когда убѣдился въ неправотѣ раскола, въ которомъ пребывалъ, но не позналъ еще вполне Церкви Христовой. Обливаясь слезами говорилъ онъ: «жить было страшно, такъ какъ зналъ, что живу въ расколѣ, и умирать было страшно, такъ какъ зналъ, что кромѣ Церкви нѣтъ спасенія».

На другой день послѣ закрытія сѣзда мнѣ предстояло отправиться для знакомства съ новымъ мѣстомъ служенія которое я избралъ съ благословенія же о. Павла. Еще до окончанія курса, на вопросъ о. Павла, куда я желалъ бы поступить, я отвѣтилъ, что хотѣлъ бы] поступить учителемъ въ такое мѣсто, гдѣ были бы старообрядцы.—«Ну, такъ вотъ для тебя и школа строится»,—сказалъ о. Павелъ. Эта школа, какъ оказалось, дѣйствительно строилась въ Гуслицахъ, въ дер. Заволинъѣ. Туда и былъ я назначенъ въ учителя. Предъ отправленіемъ я пошелъ проститься съ дорогимъ старцемъ, котораго я любилъ, какъ родного отца, и любовію котораго пользовался не по заслугамъ. Помолились. Возложилъ о. Павелъ крестообразно свои руки на мою голову, плачетъ и молится обо мнѣ... И я плачу, слышу отрывочно произносимыя слова: Господи! наставь, Господи! укрѣпи... И сколько разъ въ теченіе 12 лѣтъ молитва и благословеніе старца поддерживали меня въ минуту трудную.

Помоги, Господи,—не забыть мнѣ благословенія приснопамятнаго старца до конца жизни.

Священникъ Валеріанъ Цвѣтковъ.
